

УДК 811.161.1'28

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОГО РЕЧЕВОГО ЖАНРА «РАССКАЗ-ВОСПОМИНАНИЕ»

Янина Валерьевна Мызникова

к. филол. н., доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. janinam@mail.ru

В статье рассматривается один из ключевых жанров диалектной речи – «рассказ-воспоминание». Цель исследования заключается в выявлении коммуникативных особенностей речевого жанра «рассказ-воспоминание». Они непосредственно связаны с диалектной сферой общения и характерными для этой сферы культурно-обусловленными сценариями. В статье также раскрываются разноуровневые языковые средства, которые могут быть использованы для реализации этих особенностей. В частности, в основе диалектного рассказа-воспоминания лежит противопоставление двух временных пластов: «раньше, прежде» и «теперь, сейчас». Это противопоставление реализуется в рассматриваемых текстах как лексическими, так и грамматическими средствами. Разноплановость речевой реализации характерна и для других коммуникативных особенностей данного жанра, т.е. при использовании конкретизаторов высказывания, а также при подключении индивидуального опыта к коллективной памяти.

Ключевые слова: коммуникативная диалектология; речевой жанр; рассказ-воспоминание; жанрообразующие элементы; конкретизаторы высказывания.

Диалектное жанроведение является в настоящее время одним из актуальных направлений коммуникативной диалектологии. Система жанров диалектной речи принципиально отличается от системы жанров литературного языка. Единого подхода к её описанию пока не выработано. Ещё в середине прошлого века М. М. Бахтин поставил вопрос о необходимости изучения жанров речи как первичной формы функционирования языка [Бахтин 2000]. В настоящее время подходы к определению и классификации речевых жанров чрезвычайно многообразны [Казакова 2007: 15, 25–31].

Поскольку «одной из важнейших функций диалекта как устной формы коммуникации является передача культурно значимой информации от одного поколения к другому» [Волошина, Демешкина 2012: 14], ключевым жанром диалектной коммуникации является «рассказ-воспоминание». С точки зрения структурной классификации рассказ-воспоминание представляет собой сложный речевой жанр, реализуемый в речи как монологический текст, соотносимый с отдельным коммуникативным эпизодом [Казакова 2007: 29]. В то же время рассказ-монолог является, как правило, элементом гипержанра – диалога диалектолога с диалектоносителем, соответст-

вующего единому коммуникативному событию [Бакланова 2013: 35]. С точки зрения коммуникативной цели рассказ-воспоминание относится к информативным жанрам, которые противопоставляются фатическим жанрам речи [Деметьев 1997: 116].

Т. А. Демешкина выделяет целый ряд параметров, определяющих жанровую характеристику диалектного высказывания [Демешкина 2000: 94–95]. Для жанра «рассказ-воспоминание» наиболее значимы такие параметры, как 1) форма речи, в данном случае – монологическая, 2) коммуникативная цель, в данном случае – передача культурно значимой информации от старшего поколения к младшему, 3) социальные и возрастные характеристики коммуникантов, 4) языковые средства выражения. Конечные языковые средства реализации речевого жанра зависят прежде всего от сферы общения [Шмелёва 1997: 97–98], отбираются говорящими в соответствии с коммуникативными принципами организации текста данной конкретной сферы общения, в нашем случае – диалектной.

В. Е. Гольдин целью коммуникативной диалектологии видит выявление общих диалектам принципов организации диалектного высказывания и далее – диалектной коммуникации. Суще-

ность диалекта при этом выявляется не в отличиях одних говоров от других, а в признаках, объединяющих диалектную речь любых территорий бытования данного языка и отличающих её от литературной в первую очередь. При этом территориальное варьирование речи исследуется как вариативное воплощение общедиалектных явлений [Гольдин 1997: 6]. Материалом для данного исследования послужили записи русских говоров Среднего Поволжья, сделанные летом 2012 и 2013 гг. в ходе студенческой диалектологической экспедиции в населённых пунктах Старомайнского района Ульяновской области под руководством автора, а также тексты, опубликованные С. А. Мызниковым («Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл», 2005 г.). Однако выявляемые в исследовании коммуникативные особенности речевого жанра «рассказ-воспоминание» не являются территориально обусловленными, даже если их языковые проявления несколько варьируются по говорам. Объектом исследования являются элементы диалогов собирателей-диалектологов с информантами-диалектоносителями – рассказы-монологи информантов, содержащие повествования о событиях жизни самого информанта, его семьи, социума. Цель исследования заключается в выявлении ключевых принципов коммуникативной организации речевого жанра «рассказ-воспоминание».

В качестве одного из генеральных принципов организации диалектной коммуникации В. Е. Гольдин рассматривает принцип совмещения в речи ситуации-темы и ситуации текущего общения [Гольдин 2009: 4]. Он проявляется в том, что компоненты текущего общения (реальные пространство и время общения, говорящий, адресат и слушатель, находящиеся в их поле зрения предметы) используются как заместители компонентов ситуации-темы, служат их знаковым эквивалентом, основой установления референции речевых единиц: *Скажэм я, ты будешь пилить, а я лошадей буду гонять, навалю воза-ти, лошадей на пристань гоню, лес-то вожу на пристань. Там свалю, а ты пилишь... с корня пилили, вот, вот эдак вот* Мар.-Пос. Марий Эл [Мызников 2005: 145]. Действием этого принципа определяются многие особенности диалектной речи. Этот же принцип в полной мере проявляется и в рассматриваемом в данном исследовании речевом жанре, но не может определять его специфические особенности, так как характеризует диалектную речь в целом.

Коммуникативная парадигма диалектологического знания хорошо вписывается в общетеоретическую модель соотношения языковых и куль-

турных феноменов. Эта модель приобретает значение внутренней типологии русской речевой культуры [Гольдин 1995]. Как показывает А. Вежбицкая, культурные нормы, которые оказываются специфическими для каждого конкретного общества, являются факторами, выстраивающими модели коммуникации данного общества в рамках эксплицитных культурно-обусловленных сценариев – «это прежде всего сценарии того, что кто-то может или не может сказать, того, что кто-то может или не может делать, а также того, что «хорошо» говорить или делать. Они составляют неписаную «культурную грамматику» языкового коллектива, части которой могут «всплывать» временами в открытом дискурсе, в форме пословиц, поговорок, популярных фраз, формулах ежедневного общения и т.д.» [Вежбицкая 1999: 130].

Существенную роль в культурно-обусловленных сценариях для каждого социума играют ценности коллективизма / индивидуализма. Исследование аспекта «индивидуализм – коллективизм» в контексте различия культур было впервые предпринято голландцем Гиртом Хофстедом в начале 1980-х гг. [Hofstede 2001: 41]. Как показано в работах Н. М. Лебедевой, ценности традиционной русской культуры и ее духовной основы – православия – располагаются ближе к полюсу коллективистски ориентированных культур. Однако в ряду ценностей русской культуры к концу XX в. наблюдаются серьезные изменения, затрагивающие ключевые основы национального характера: молодые постепенно переориентируются на ценности индивидуализма [Лебедева 1999: 2000]. Люди постарше остаются в рамках ценностей коллективистской культуры, подразумевающих скромность, приверженность традициям и устоям, сдержанность в общении с малознакомыми людьми.

Итак, рассмотрим коммуникативные особенности речевого жанра «рассказ-воспоминание», определяемые диалектной сферой общения и характерными для этой сферы «культурно-обусловленными сценариями», а также языковые средства реализации этих особенностей.

1. Речевой жанр «воспоминание» представляет собой вербализацию прошлого опыта, является важнейшим компонентом диалектного речевого общения, средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом и социальном отношении информации. Стимулируя информанта к передаче подобных наиболее значимых для него сведений, собиратель, как правило, остаётся для информанта представителем современного индивидуалистически ориентированного социума, поэтому

сквозь весь рассказ проходят два временных пласта – «раньше, прежде, тогда» и «теперь, сейчас». Подобные лексические маркеры в речи информанта используются для введения аксиологической составляющей данного текста. При этом материальная сторона жизни информанта оценивается как тяжёлая «раньше, прежде» и более лёгкая «теперь, сейчас»: *Сейчас ничо не стало вить этово, а вить тогда всё было* (о тяготах), *жызынь-то, умирать неохота дажэ* Волжск. Марий Эл [Мызников 2005: 200]; *Умирать пара, а жыть харашио, пенсио дают, напорисся как свинья и павалишься. В магазине есть, хватат* Порец. Чуваш. [там же: 190].

В то же время изменения в культурной сфере, социальной стороне жизни расцениваются информантами как разрушение норм коллективистски ориентированной культуры, т. е. как изменения социальной жизни в худшую сторону. Если «раньше, прежде» бережно хранили семейные ценности, оберегали устои традиционной культуры, к труду относились как к основе жизни и высшей ценности, позволяющей человеку достичь и материального, и социального благополучия, то «сейчас, теперь» происходит разрушение традиционных коллективистских устоев, уважительного отношения к знаниям старших, к труду, утрата этических и моральных ценностей: *Идёшь вместе работаешь, с народом вместе... в колхозе идёшь работаешь. Домой с песнями, обратно с песнями... Всё ровно товда нормально было, не скажешь* Ядрин. Чуваш. [там же: 191]; *Плясали, пели. А сейчас ничаво этово не слышать, ни плясок, ни песен, совериэнно ничево нет. Народ убитый, убитый вином* Порец. Чуваш. [там же: 186]; *А теперь, теперь безработица, безработицы-то её нету, неохота работать, вот Совет*. Марий Эл [там же: 223]. *Бывало не едак было // Топерь фсё по-другому / топерь не сходяща / а каждой семье где / ни попало гуляют / каждый день // А тогда так не гуляли / а ф прязники ток / люди работали / а ф прязники фсе гуляли / вот собирались / и гуляли* Старомайн. Ульянов. (МА).

Иногда весь рассказ-воспоминание строится на противопоставлении двух временных пластов, что оформляется как лексически, так и синтаксически при помощи конструкций, где противительные отношения могут быть выражены союзом *а* или бессоюзным способом при помощи просодических средств: *Топерича по-другому / по-бывальшиному ничево нет // Топерича ничево / а раньше занавески вешали / приданое готовили* Старомайн. Ульянов. (МА)¹; *Раньшэ всё пекли сами, в магазинах ничаво не было – в магазинах изобилие всево, только бери* Порец. Чуваш. [там же: 187]. Приведём пример такого рассказа-

воспоминания с лексически и грамматически оформленным противопоставлением двух временных пластов.

Тогда веть гуляли не как шас / вечер тока два / а тогда самогонки нагоняли / на столы-ть ставили пирогаф напёкут / плит вот эдакий пирогаф пять / стопа / шишы сварят / капуста пироги // А весёлство'-ть како была / запоют / в избе трясецца / песьни-ти как поют / а тогда вить гармонь была / у-у-у у-у-у эх весёлство' было... / съмогонки этой нагонют / вина-ть не покупали тогда / гнали свою самогонку / стаканами пили оне / не рюмочкой / стаканами / и висёлство' было ужасное / неделю гуляли... // Фсякие песьни пели / бывальшыны песьни-ти каке где были / э-э-э / мужики как запоют вот и бабы / ну стон стоит эт прям ужас как хорошо было / а шас ни ай свадьба ни на нет наедацца напьюцца бум-бум-бум повихляюца и пошли // Не слуху не духу // Старомайн. Ульянов. (МА).

Как показывает Т. А. Демешкина, в большинстве текстов-воспоминаний присутствует метакомпонент (имя жанра), который представлен глаголами, существительными, словосочетаниями (*помнить, на памяти, в моей памяти*) [Демешкина 2000: 102]. Лексические маркеры *тогда, раньше, прежде, по-бывальшиному, теперь, сейчас*, наряду с метатекстовыми единицами *помнить, не помнить, на памяти*, являются жанрообразующими элементами рассказа-воспоминания. Один из многочисленных рассказов-воспоминаний, приведённых в книге С. А. Мызникова «Русские говоры Среднего Поволжья», так и озаглавлен: «Тогда и теперь» [Мызников 2005: 186]. По словам С. В. Волошиной и Т. А. Демешкиной, «о значимости оппозиции «прежде / теперь» свидетельствует наличие большого количества диалектных вариантов общерусской лексемы *теперь*: *теперька, теперика, топерик, топерика, топерька, топерича, теперича, теперьча, топерича, ерича, топеричи, топерчи, теперя, топерь, топеря*», а также частотность употребления данной лексемы [Волошина, Демешкина 2012: 18].

Ещё одним маркером переключения к временному пласту «раньше, прежде» является лексикализованная глагольная форма *бывало*, вводящая сообщение о многократном действии или состоянии в прошлом: *Смородина бывало фсё наша была / и грибы* Старомайн. Ульянов. (МА); *Бывало не едак было / топерь по-другому* Старомайн. Ульянов. (МА); *Ана фсё: вот мы бывала... // Да ты бывала фсю жызынь-ть спала!* Старомайн. Ульянов. (МА). Глагол в таком сообщении может быть не только в форме прошедшего времени. Актуализации событий прошлого, погру-

жению в передаваемую ситуацию способствуют формы настоящего исторического времени: *И там ставили стога. Скосят, бывало вот, стога ставили, загоражывали их, штобы скотина не ела, плетнём* Мар.-Пос. Чуваш. [Мызников 2005: 143]. Использование форм настоящего исторического (или настоящего повествования) реализует принцип совмещения в речи ситуации темы с ситуацией текущего общения, о чём свидетельствует и употребление в рассказе-воспоминании указательной частицы *вот*. В то же время лексический элемент *бывало* маркирует отрезок речи как соотносящийся с временным пластом «раньше, прежде», пока не появятся новые лексические и грамматические маркеры (*а щас... , а сейчас... , а топерь...*): *Вот и ездил, бывало, нош-ту, где достать клочок-то, а щас в огороде всё сено валяэтсэ* Мар.-Пос. Чуваш. [там же: 152]; *Бывало, вот попадёшь где, то бабку снесут, ненавидели, а сейчас все как друзья родные* Юрин. Марий Эл [там же: 193]; *Бывало вить постовали да фсё // А топерь фсё едим / вот ретки уж поставуют старухи* Старомайн. Ульянов. (МА).

2. Коммуникативной нормой диалектного высказывания является изложение информации, достоверность которой у говорящего не вызывает сомнений [Демешкина 2000: 108]. Принцип достоверности передаваемой информации является во многом определяющим для формирования жанрообразующих особенностей рассказа-воспоминания. В речи некоторых информантов можно зафиксировать эксплицитное выражение данного принципа: *Эт вить не вру нитшаво, не вру, я старый тиэлавек и все знают...* Алат. Чуваш. [Мызников 2005: 157]. Поэтому жанрообразующими элементами рассказа-воспоминания являются конкретизаторы высказывания: имена собственные, точные даты, топонимы. *Скоро закрыли её (церковь), до трицать шестом году што ль закрыли её. С двацать четвёртово до трицать третьёво года работал. В трицать третьем году взяли (отца). В войну он работал в Звенигове... А меня в сорок втором году пятово января взяли, в армию-ту призвали...* Моркин. Марий Эл [там же: 218]. *Троих вырастила // Писят фтором вышла замуш / писят третем дочь радила / писят четвёртом сын / писят шестом / третёва сына // Писят седьмом дефчонки / удове'ла / трое детей у меня усталось / сама большая четвёртый гот / а малому восьмой месяц робёнку // Постоянно фсю жизнь ф колхозе / нукуды / ни ффэээо нукуды ни ходила // Колхози / колхози / колхози // Старомайн. Ульянов. (МА). Исследователями диалектного текста неоднократно отмечалось стремление рассказчика предельно конкретизировать ситуацию при по-*

мощи пространственных, социальных и временных «привязок» [Гольдин 2000: 228; Иванцова 2002: 182–184].

Часто такие конкретизаторы, как имена собственные и топонимы, в диалектном повествовании остаются без поясняющих комментариев, соотносящих их с конкретным денотатом: *Гьворили мы и Седокину гьворили, примите меры с самогонщиками* Порец. Чуваш. [Мызников 2005: 187]; *Кантора-то была в Суртах, из Суртов привезут мочала...* Медвед. Марий Эл [там же: 215]. По словам В. Е. Гольдина, «в речи, обращённой к диалектологу, лица, входящие в личную сферу говорящего, нередко упоминаются без использования интродуктивных средств, то есть сразу в форме конкретной номинации именем собственным или посредством местоимённой анафорической номинации, как если бы они ранее уже были введены в повествование, хорошо известны собеседнику и находятся в актуализированной сфере его сознания» [Гольдин 2000: 225]. Эта особенность сигнализирует о том, что слушатель включён в круг «своих», поэтому адресованное ему высказывание соответствует коммуникативной диалектной норме, предполагающей неофициальный разговорный тип общения между людьми, хорошо знающими друг друга.

Иногда информант, осознавая различие в информационных базах своей и собирателя, стремится в ещё большей степени конкретизировать ситуацию: *А у Торгоша / вот виш Торгош / ево Миша Хохлачёф зовут / а зовут Торгош / зачем Торгошей назвали // И вот эт Торгош / загородил забор / один штaketник вот так / другой штaketник вот так...* Старомайн. Ульянов. (МА); *Попом сделался у нас один вот // Читат по покойникам // он сам себе сделалса / а ево Поп (зовут) / ф Кокрятах у нас настояшый поп / он ево взял как ф помошники // Он и бородатый / и волосы большы у нево // Старомайн. Ульянов. (МА).*

3. С точки зрения участия автора рассказа в описываемых событиях тип повествования может быть объективированным (ориентированным на обобщённый опыт), субъективно-ситуативным (с непосредственным участием автора и совмещением в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения) или, что наблюдается чаще всего, смешанным. Как пишут С. В. Волошина и Т. А. Демешкина, «ярким признаком речевого жанра воспоминания является наличие авторизационных показателей, указывающих на носителей информации: представителей старшего поколения, близких родственников» [Волошина, Демешкина 2012: 15].

Приведём пример смешанного типа повествования с авторизационными показателями, отсы-

лающими адресата к памяти предыдущих поколений: *Эт тут Русский конец, там Верхна улица была, там Зарека была. Не знаю когда жили марейцы, наши матеря, чай не помню... А наши-ти знаешь, где были кладбища-то, вот, в Масляном дворе, мама рассказывала. Русские, а марейцы там. Там марейский конец, калякали. Я веть тебе калякала Верхна улица. Казанка чечас вот стали. Жытелей трицати-то нету, пенсию-ту получаю, скоко нас, трицать дворов месных жытелей, боле нет.* Волжск. Марий Эл [Мызников 2005: 200].

Таким образом, индивидуальный опыт автора повествования, как правило, подключается к опыту других поколений, к родовой, коллективной памяти. Поэтому ещё одним жанрообразующим элементом рассказа-воспоминания является предикат с обобщённо-личным или неопределённо-личным значением: *Гребни / пряли куделю / были гребни / вот до'нец / вот сунеш в до'нец / ну вот сидиши на ним / а тут гребень и прядёш // И сучыли я вот этава сколько иссучыла / а шишта наверна не сумею / чово делали // И вот эту пряжу таскали в Стару Майну прьдавать на базар / вот как жили // Старомайн. Ульянов. (МА). Обобщение опыта и знания может эксплицитно выражаться также в рассказе в виде паремийных высказываний: *Хозяйки говорят: молоко на языке, чё-нибудь...* Медвед. Марий Эл [Мызников 2005: 214]; *Корову бойся спереди, лошадь сзади, а марийца со всех сторон* Моркин. Марий Эл [там же: 220].*

Итак, среди значимых коммуникативных особенностей рассказа-воспоминания можно указать следующие:

- противопоставление двух временных пластов, которое оформляется как лексически (метатекстовыми элементами, лексическими маркерами), так грамматически (формами глагольных времён, синтаксическими конструкциями);
- проявление принципа достоверности через использование конкретизаторов высказывания: имен собственных, точных дат, топонимов;
- подключение индивидуального опыта к коллективной памяти, выраженное как грамматическими средствами (обобщённо-личными формами предиката), так и паремийными высказываниями.

Отметим, что перечисленные особенности в полной мере характеризуют именно диалектный жанр воспоминания, в других коммуникативных сферах могут присутствовать свои принципы организации аналогичного с точки зрения тематики текста.

Рассмотренные коммуникативные особенности речевого жанра «рассказ-воспоминание» и реализующие их языковые средства различных

уровней ни в коей мере не исчерпывают проблемы всестороннего описания данного жанра, но лишь заостряют внимание на его наиболее выразительных признаках.

Примечание

¹ Здесь и далее примеры из материалов автора (МА) приводятся в транскрипции для большей точности передачи всех особенностей диалектной речи; в примерах из книги С.А. Мызникова «Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл» (2005 г.) сохранена книжная орфография.

Список литературы

- Бакланова И. И. Средства выражения диалогичности в речи диалектоносителей (на материале русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3(23). С. 35–39.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 249–299.
- Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации / пер. О. Н. Дубровской // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 112–132.
- Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник ТГУ. Томск, 2012. №3(19). С. 14–20.
- Гольдин В. Е. Машиннообрабатываемые корпусы диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. 1995. №3. С. 72–87.
- Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дисс. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
- Гольдин В. Е. Диалектолог и носитель диалекта: ситуация неполного совпадения информационных баз коммуникантов // Актуальные проблемы русистики: сб. ст. Томск, 2000. С. 224–229.
- Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 3–7.
- Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. №1. С. 109–121.
- Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
- Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.

Казакова О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. 200 с.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. 636 с.

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88–99.

Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions and organizations across nations. 2nd edition. SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, USA, 2001. 597 p.

References

Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. Bakhtin M. M. Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [The author and the hero: To the philosophical foundations of human Sciences.]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. P. 249–299.

Baklanova I. I. Sredstva vyrazhenija dialogičnosti v rechi dialektonositelej (na materiale ruskoj rechi zhitelej Komi-Permjackogo okruga) [Means of dialogues expression in the speech of native speakers of the dialect (on the basis of Komi-Permyak District residents' Russian speech)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 3(23). P. 35–39.

Dement'ev V. V. Izučenie rechevykh zhanrov: obzor rabot v sovremennoj rusistike [Study of speech genres: a review of studies in modern Russian Philology]. Voprosy jazykoznanija [Questions of linguistics]. 1997. No 1. P. 109–121.

Demeshkina T. A. Teorija dialektного высказывания. Aspekty semantiki [Theory of dialect speech. Aspects of semantics]. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 2000. 190 p.

Gol'din V. E. Dialektolog i nositel' dialekta: situacija nepolnogo sovpadenija informacionnykh baz kommunikantov [The dialectologist and the dialect speaker: the situation of communicants' incomplete information databases matches]. Aktual'nye problemy rusistiki: sbornik statej [Actual problems of Russian Philology: Collection of articles]. Tomsk, 2000. P. 224–229.

Gol'din V. E. Mashinoobrabatyvaemye korpusy dialektnykh tekstov i problema tipologii ruskoj rechi [Machineprocessing dialect text corpus and the problem of typology of Russian speech]. Rusistika segodnja [Rusistics today]. 1995. No 3. P. 72–87.

Gol'din V. E. Povestvovanie v dialektном дискурсе [The narrative in the dialect discourse]. Izvestija Saratovskogo un-ta [News of Saratov University], 2009.

Vol. 9. Ser. Filologija. Zhurnalistika [Ser. Philology. Journalism]. Iss. 1. P. 3–7.

Gol'din V. E. Teoreticheskie problemy kommunikativnoj dialektologii [Theoretical problems of communicative dialectology]: Dis. v vide nauch. dokl. d-ra filol. nauk [Dis. as scient. report of doctor of philol. sc.]. Saratov, 1997. 52 p.

Ivancova E. V. Fenomen dialektной языковой личности [The phenomenon of dialect language personality]. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 2002. 312 p.

Kazakova O. A. Dialektnaja jazykovaja lichnost' v zhanrovom aspekte [Dialect language personality in the genre aspect]. Tomsk, TPU Publ., 2007. 200 p.

Lebedeva N. M. Vvedenie v ehničeskiju i krosskul'turnuju psikhologiju [Introduction into the ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow, Ključ-S, 1999. 224 p.

Myznikov S. A. Russkie govory Srednego povolž'ja: Chuvashskaja Respublika, Respublika Marij Ehl [The Russian dialects of the Middle Volga region: The Chuvashian Republic and Mari El Republic]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 636 p.

Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. Zhanry rechi [Genres of speech]. Saratov, Kolledzh Publ., 1997. Iss. 1. P. 88–99.

Vezhbickaja A. Kil'turno-obuslovlennye scenarii: novyj podkhod k izučeniju mezkul'turnoj komunikacii [Wierzbicka A. 'Cultural scripts': A new approach to the study of cross-cultural communication]. Trans. by O. N. Dubrovskaja. Zhanry rechi [Genres of speech]. Saratov: Kolledzh Publ., 1999. Iss. 2. P. 112–132.

Voloshina S. V., Demeshkina T. A. Miromodelirujushhij potencial rechevogo zhanra (na materiale dialektной rechi) [The world modeling potential of the speech genre (on the material of dialect speech)]. Vestnik TGU [TSU Journal]. 2012. No 3(19). P. 14–20.

Условные сокращения административных единиц Среднего Поволжья

Волжск. Марий Эл – Волжский р-н Марий Эл
Медвед. Марий Эл – Медведевский р-н Марий Эл

Моркин. Марий Эл – Моркинский р-н Марий Эл
Юрин. Марий Эл – Юринский р-н Марий Эл
Старомайн. Ульянов. – Старомайнский р-н Ульяновской обл.

Алат. Чуваш. – Алатырский р-н Чувашии
Мар.-Пос. Чуваш. – Мариинско-Посадский р-н Чувашии

Порец. Чуваш. – Порецкий р-н Чувашии
Совет. Чуваш. – Советский р-н Чувашии
Ядрин. Чуваш. – Ядринский р-н Чувашии

**COMMUNICATIVE SPECIFICITIES
OF THE DIALECT SPEECH GENRE “REMINISCENCE STORY”**

Janina V. Myznikova

**Associate Professor in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University**

The article discusses one of the key genres of dialect speech – a “reminiscence story”. Speech genres are forms of communication as well as culture on the whole. The purpose of the research is to identify communicative specificities of the genre, which are influenced by the sphere of communication and are marked by the cultural worldview. The article also reveals the multi-level linguistic means that can be used to actualize those features. In particular, the opposition between two time layers (the “before”-layer and the “now”-layer) forms the basis of the dialect reminiscence story and introduces an axiological component into the text. This opposition is formed by both lexical and grammatical means. Speech realization through means of different linguistic levels is typical of other communicative peculiarities of the genre, i.e. when using concretization units, and also when connecting individual experience to the collective memory.

Key words: dialect speech; communicative dialectology; speech genre; reminiscence story; genre forming elements; concretization units.